

*Горчханова Танзила Хасултановна,
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Ингушский государственный университет
Россия, г. Магас*

*Эсмурзиева Лейла Магомедовна
магистрант
2 курс, факультет «Филология»
Ингушский государственный университет
Россия, г. Магас*

**К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТНОМ ХРОНОТОПЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
РОМАНА В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»**

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности личностного хронотопа романа В. Набокова «Приглашение на казнь». Излагается новый взгляд на особенности художественного метода В. Набокова.

Annotatio.. This article examines the features of the personal chronotope of V. Nabokov's novel "Invitation to Execution". A new view on the features of V. Nabokov's artistic method is presented.

Ключевые слова: художественное время, художественное пространство, личностный хронотоп, антиутопия, поток сознания, Цинциннат, В. Набоков.

Keywords: artistic time, artistic space, personal chronotope, dystopia, stream of consciousness, Cincinnatus, V. Nabokov.

В. Набоков никогда не принадлежал к определенной литературной школе, и, тем не менее, он сосредоточил в своем экспериментальном творчестве достижения европейского модернизма, не стремясь при этом продолжать традиции русской классики и соответствовать требованиям эмигрантской литературы. Роман «Приглашение на казнь» в художественном мире набоковского творчества является характерным образцом европейского модернистского искусства. Он отличается от других произведений писателя новаторскими элементами, основанными на силе воображения: «интуиция разъятого мира, открытые «шлюзы» подсознания, непрерывная текучесть сознания и новая поэтика, вышедшая из символизма» [4, с. 568].

Практически все содержание литературного произведения можно интерпретировать в хронологической парадигме и всякий художественный литературный образ по своей сути «хронологичен» [2, с. 290]. Именно с этой стороны рассматриваются образы главных героев романа в сочетании внешних и внутренних черт. И только рассмотрев временное и пространственное воплощение персонажа как цельный комплекс, мы можем говорить о личностном хронотопе героя. Сюда могут входить различные принципы описания его внешнего вида, одежды, личных вещей, а также то, как этот персонаж создает вокруг себя художественное времяпространство и предметный мир романа. Художественное время становится важнейшим средством для создания образа персонажей.

Организация личностных хронотопов главных героев романов отчасти определяет его сюжетные противоречия. Личностный хронотоп является специфическим «языком», с помощью которого одни персонажи романа делятся информацией с другими, а также со средой, их окружающей. И этот диалог становится причиной развития действия романа, условием формирования конфликта, а также важным средством индивидуализации героев произведения.

Личностный хронотоп главного героя романа В. Набокова «Приглашение на казнь» является весьма уникальным. В облике (личностное пространство персонажа) Цинцинната Ц. наблюдается некая «особость», непохожесть на других персонажей – кукол романа. С одной стороны эта «особость» главного героя заключается в своеобразной внешности: слабость, маленький рост, небольшие ступни, а с другой – в неуловимости, неопределенности для постороннего наблюдателя черт героя.

«Цинциннат был лёгок как лист. Ветер вальса пушил светлые концы его длинных, но жидких усов, а большие, прозрачные глаза косили, как у всех пугливых танцоров. Да, он был очень мал для взрослого мужчины. Марфинька говорила, что его башмаки ей жмут» - описывает автор персонажа [6, с. 9]. Но при том Набоков подчёркивает, что Цинциннат «непрозрачен» для окружающих, об этом знает и сам герой: «С ранних лет, чудом смекнув опасность, Цинциннат бдительно изощрялся в том, чтобы скрыть некоторую свою особость. Чужих лучей не пропуская, а потому, в состоянии покоя, производя диковинное впечатление одинокого тёмного препятствия в этом мире прозрачных друг для дружки душ, он научился всё-таки притворяться сквозистым, для чего прибегал к сложной системе как бы оптических обманов, но стоило на мгновение забытья, не совсем так внимательно следить за собой, за поворотами хитро освещенных плоскостей души, как сразу поднималась тревога» [6, с. 17].

Как утверждает автор, герой «телесно» прозрачен, пронизуем, он почти сливается с окружающей средой: «Открытая борода, распахивающийся чёрный халатик, слишком большие туфли на тонких ногах, философская ермолка на макушке и легкое шевеление (откуда-то всё-таки был сквозняк!) прозрачных волос на висках - дополняли этот образ, всю непристойность которого трудно глазами выразить, - она складывалась из тысячи едва приметных, пересекающихся мелочей, из светлых очертаний как бы не совсем дорисованных, но мастером тронутых губ, из порхающего движения пустых, ещё не подтушёванных рук, из разбегающихся и сходящихся вновь

лучей в дышащих глазах но и это всё разобранное и рассмотренное, ещё не могло истолковать Цинцинната: это было так, словно одной стороной своего существа он неуловимо переходил в другую плоскость, как вся сложность древесной листвы переходит из тени в блеск, так что не разберёшь, где начинается погружение в трепет другой стихии» [6, с. 99].

Неприметная, нечётко структурированная внешность скрывает, маскирует «непрозрачную» душу Цинцинната - его главную ценность, достояние и достоинство среди отвратительного, профанного мира. «Непрозрачность», а значит, и «человекоподобность» души, становится основанием для вынесения Цинциннату смертного приговора.

Что касается личностного времени Цинцинната, то оно упорядочено и наполнено событиями, каждое из которых, при всей своей внешней незначительности, свидетельствует о том, что печальный конец для главного героя неизбежен. Набоков в воспоминаниях Цинцинната мерно отсчитывает года его жизни: «Девятнадцать, двадцать, двадцать один. В двадцать два года был переведён в детский сад учителем разряда Ф, и тогда же на Марфиньке женился» [6, с. 20]. Параллельно автор отмечает важнейшие события жизненного пути Цинцинната, которые в неостановимом крещендо ведут его к заключительному и самому важному, как окажется, событию его жизни - заключению в ожидании казни. Событийная канва биографии Цинцинната обыденна и ничем не оригинальна: рождение, воспитание в приюте, незаметная работа, женитьба, измены жены (здесь герой неожиданно сближается с изображённым в «Даре» Чернышевским). Эти события становятся лишь материалом, «рудой» для последующего творчества Цинцинната, приговорённого к смерти [1, с. 873].

Заключение в крепость позволяет Цинциннату парадоксально обрести свободу, и мысли об истинном существовании, проявлявшиеся в его прежней жизни лишь во снах, теперь, в темнице, стали изливаться на бумагу: «А ведь с раннего детства мне снились сны... В снах моих мир был облагорожен, одухотворён...» [6, с. 74].

Оказавшись в камере, главный герой преобразается в писателя. Цинциннат мечтает, чтобы его мысли, его мироощущение не пропали втуне, а смогли обновить и облагородить мир, в котором ему пришлось жить и умереть: «Между тем, знай я, сколько осталось времени, я бы кое-что... Небольшой труд запись проверенных мыслей...Кто-нибудь когда-нибудь прочтёт и станет весь как первое утро в незнакомой стране. То есть, я хочу сказать, что я бы его заставил вдруг залиться слезами счастья, растаяли бы глаза, - и, когда он пройдёт через это, мир будет чище, омыт, освежён» [6, с. 41]. Таким образом, мы видим, какие большие надежды возлагает главный герой романа на свои записи. Он хочет донести до людей истинное, выстраданное знание о реальности и тем самым преобразить её.

Сам переход от обыденного, бытового времени ко времени одухотворённому творческой созидательной работой, миро- и мифотворением собственной жизни, сближает Цинцинната с Ганиным, Лужиным и Фёдором Константиновичем Годуновым-Чердынцевым. Цинциннат - такой же герой-создатель нового искусственного Универсума, порождённого разумом и творческой фантазией [3, с. 138]. Автор подчёркивает, что Цинциннат - существо «не от мира сего». Об этом говорит и его телесная хрупкость, слабость (ощутимая, прежде всего, при сравнении Цинцинната и палача), и своеобразная «непрозрачность» души героя. Очевидно, что, живущий в собственном мире, особом измерении, Цинциннат не может подобно Ганину покинуть постылую реальность, уехав на поезде. Он не может, как шахматист Лужин, «выпасть из игры», выпрыгнув из окна. У него нет возможности, подобно Фёдору Константиновичу, плодотворно творчески работать, последовательно преодолевая серую пелену будней. В этом и заключается трагизм истории главного героя романа «Приглашение на казнь».

Подводя итоги, необходимо отметить следующее: в романе «Приглашение на казнь» мы встречаемся с совершенно новым для творчества Набокова 1920-х - 1930-х годов типом хронотопа. Пространство и время здесь

искусственны. Автор словно испытывает ими героя, проверяя на прочность его характер, его индивидуальность. Перед нами не реалистическое, а фантастическое произведение, где герой после смерти не умирает, где живут не люди, а куклы, где действует логика абсурда. Набоков словно бы заглядывает за границы реальности, чтобы создать этот нелепый потусторонний мир. Построенный из концентрических кругов мир, с одной стороны, напоминает паутину, в которой запутался Цинциннат, а с другой стороны, он уподоблен цирку, где главный персонаж произведения - в центре представления и всеобщего внимания. Устройство хронотопа, как системы концентрических кругов (с доминированием крайних), детерминировано двумя принципами: театрализации и зеркальности. Эти принципы взаимодействуют, дополняя друг друга в организации пространственно-временного поля произведения. Так, например, объединяющим их признаком становится сам способ отражения, повторяемости. Ведь любая игра - это лишь имитация жизни, повторение её с той или иной целью, а зеркальность всегда подразумевает то, что отражается, и то, что отражено.

Список использованной литературы:

1. Аверин Б. Набоков и набоковиана // Набоков В. ProetContra. СПб., 1997. – 1064 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. – 504 с.
3. Бицилли П. Возрождение Аллегии // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г.Мельникова. - М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 688 с.
4. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Две вершины - «Приглашение на казнь» и «Дар» // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. Т.4 СПб., 2006. 848 с.

5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. - М., 2018. – 704 с.
6. Набоков В. «Приглашение на казнь» - СПб.: Азбука, Азбука-Атикус, 2015. – 192 с.
7. Ходасевич В. Литература в изгнании. Собр. соч.: В 4 т. – М., 2009. Т.2. – 480 с.